Текст · 7 июля 2021, 08:04
Александр Бородихин,

Корона доказательств. Как устроено «санитарное дело»

Преображенский районный суд в Москве начинает рассматривать дела Олега Навального и Любови Соболь — первых обвиняемых по «санитарному делу». Александр Бородихин изучил материалы следствия и рассказывает, как оперативники перерыли весь интернет в поисках «признаков наличия призывов» и на какие ухищрения пришлось пойти, чтобы обвинить оппозиционеров по статье о «нарушении санитарно-эпидемиологических правил».

17 января Алексей Навальный прилетел в Россию из Германии после лечения от отравления «Новичком»: перед посадкой самолет развернули, и он сел не во Внуково, где собрались сторонники политика, а в Шереметьево. Там Навального задержали на паспортном контроле и на следующий день отправили в СИЗО — суд прошел прямо в отделе полиции. Еще через день соратники Навального выпустили фильм о «дворце Путина» и объявили дату уличных акций в поддержку политика — 23 января.

С этого дня закипела работа в московском Центре по противодействию экстремизму: сотрудники принялись искать и скриншотить посты в соцсетях — как с призывом выйти на акцию, так и просто с упоминанием назначенной даты.

«В ходе мониторинга ИТКС "Интернет"» удалось собрать десятки материалов: это посты в твиттере, фейсбуке и «ВКонтакте», видео в ютьюбе и тиктоке с «призывами неограниченного круга принять участие в несогласованной акции». В день митинга-[1] рапорты с этими скриншотами попали на стол генерал-майора московского управления МВД Александра Половинки.

Этого хватило для возбуждения уголовного дела по очень непривычной статье — о нарушении санитарно-эпидемиологических правил. Оперативников Центра «Э» сменили 25 следователей МВД, а их — после передачи дела в СК — группа из столичных следователей по особо важным делам с прикомандированными им в помощь коллегами из регионов.

Уже 29 января суды в Москве отправили под домашний арест первых фигурантов «санитарного дела» — Любовь Соболь, Олега Навального, Олега Степанова, Марию Алехину, Дмитрия Барановского и Анастасию Васильеву. Вскоре к ним добавились муниципальные депутаты Люся Штейн и Константин Янкаускас, пресс-секретарь Навального Кира Ярмыш и активист Николай Ляскин[2]. Позже под запрет определенных действий

— с более мягкими условиями, позволяющими дневные прогулки — переведут Соболь, Навального, Янкаускаса и Штейн, а остальным в апелляциях откажут.

Перед тем, как отправить Соболь под домашний арест, судья поинтересовался, почему следствие

ходатайствует о самой жесткой из возможных мере пресечения по «нетяжкой» статье[3] — и возможно ли по ней лишение свободы. «Нет… — грустно ответила следовательница, но затем нашлась. — А, возможно-возможно! Возможно при создании вот этого массового заражения!». Соболь отправили под домашний арест.

Из материалов дела ясно, что круг потенциальных фигурантов был значительно шире, но отказаться от их преследования решили после арестов первых десяти обвиняемых. В начале февраля две сотрудницы СК[4] три дня листали отобранные коллегами из МВД посты и отметали неподходящие: в твитах либертарианца Ярослава Конвея[5] с фразой «Пойду гулять в центр Москвы, надеюсь увидеть все светлые лица там» или главного редактора «Медиазоны» Сергея Смирнова «23 января в Москве околонуля[6]» они «побуждений» не нашли, а на видеороликах знаменитостей в поддержку Навального дата акции появлялась картинкой, а не произносилась вслух — а значит, установить причастность записывавшего ролик человека к появлению «призыва» затруднительно. Так сотрудницы отсмотрели более пятидесяти публикаций.

К марту следственная группа под началом полковника Алексея Спесивцева отчиталась, что опросила свыше 300 человек, провела более 30 обысков и выемок, а также зафиксировала больше сотни постов, «имеющих признаки наличия призывов».

Статья и обвинение

«Санитарное дело» стало по-настоящему уникальным для России. До 2020 года по статье о нарушении санитарно-эпидемиологических правил судили редко — и как правило, сотрудниц школьных столовых за массовые отравления детей. Наступлением пандемии коронавируса депутаты воспользовались для ужесточения формулировок: уже в марте Госдума оперативно приняла поправки, добавляющие сроки до двух лет за «создание угрозы» массового заболевания. Коронавирус, с самого начала ставший поводом для запрета на проведение уличных акций, использовали как формальную причину для наказания за небывало массовую акцию 23 января.

Некоторые ограничители изначально добавил Верховный суд, который вскоре после принятия поправок пояснил, что «массовое заболевание» — оценочная формулировка, которая требует подтверждения специалиста, а уголовная ответственность за «создание угрозы» может наступать только при «реальности этой угрозы, когда массовое заболевание или отравление людей не произошло лишь в результате вовремя принятых мер».

Вероятно, эти ремарки и стали причиной для уточнения обвинения: фигурантов дела решили обвинить в «подстрекательстве к нарушению санитарно-эпидемиологических правил, создавшем угрозу массового заболевания людей» путем «склонения других лиц к совершению преступления

путем уговора и призыва» (часть 4 статьи 33 и часть 1 статьи 236 УК).

Акция в Москве 23 января 2021 года. Фото: Александр Миридонов / Коммерсант

Обвинение постаралось документально укрепить свою позицию с учетом требований Верховного суда: угрозу бессимптомного распространения коронавируса в группах людей на улице подтверждает допрос сотрудницы Роспотребнадзора, меры властей по противодействию угрозе — указы мэра Собянина и рапорты о раздаче «защитных масок» силовиками, а реальность угрозы — четверо пользователей «Соцмониторинга»[7], которых нашли по видео с улиц через московскую систему распознавания лиц.

Только в апреле один из найденных таким образом нарушителей внезапно дал следствию признательные показания и стал обвиняемым — это участник акции 23 января Дани Таммам Акель, который пришел на площадь в Москве, формально нарушив режим самоизоляции. Юноша стал тем единственным человеком, благодаря которому следствие может назвать успешными «подстрекательства» обвиняемых. Дело самого Таммама в суд пока не поступало.

Для надежности к материалам дела подшили еще и показания троих свидетелей, которые категорически не разделяли воззрений протестующих, но якобы

пошли на митинг, чтобы «понаблюдать за интересным и неоднозначным событием» — а заодно поснимали лица собравшихся и передали видео следствию.

Другие дела за протесты 23 января

Отдельно рассматривается уголовное дело о перекрытии дорог в ходе акции 23 января: в разных городах допрошены десятки человек, но в московском деле до сих пор один фигурант — либертарианский активист Глеб Марьясов, на время следствия ему запретили выходить из дома ночью и пользоваться средствами связи. Марьясова обвиняют в том, что он «осуществил устные призывы и высказывал указания о необходимости группового и сплоченного передвижения граждан на проезжую часть улиц центральной части города Москвы для перекрытия их движения и блокирования транспорта».

Против соратника Навального Леонида Волкова возбудили уголовное дело о вовлечении подростков в участие в митингах из-за ютьюб-роликов. Это дело значительно пересекается свидетельскими показаниями с «санитарным».

Четверых редакторов студенческого журнала *DOXA* также обвиняют в вовлечении несовершеннолетних в митинги — но уже из-за видеообращения к властям с требованием перестать запугивать студентов перед январскими акциями. Запись удалили по требованию Роскомнадзора, но это не помешало назначить Владимиру Метелкину,

Наталии Тышкевич, Армену Арамяну и Алле Гутниковой запрет выходить из дома и пользоваться интернетом. В апреле-мае всех четверых вызывали на ежедневные допросы, сейчас обвиняемые знакомятся с материалами уголовного дела, занимающими невообразимые 28 тысяч страниц в 112 томах.

Рядовых участников акции 23 января, каким-либо образом задевших силовиков, судят быстро и — как правило — с признаниями вины. Всего после акций протеста 23 и 31 января было возбуждено около сотни уголовных дел — это самые масштабные политические преследования за десятилетие.

Камеры и лица

Ключевые зацепки к поиску нужных свидетелей следствие получило еще в феврале, попросив московский департамент информационных технологий (ДИТ) предоставить данные тех, кто нарушил режим самоизоляции и вышел на акцию протеста 23 января. В ответе из ДИТ сказано, что мэрия располагает тремя технологиями контроля за соблюдением карантинного режима: алгоритм распознавания лиц, подключенный к Единому центру хранения и обработки данных (-ЕЦХД[8]), приложение «Социальный мониторинг» и

данные о местонахождении абонента, полученные от операторов связи.

С помощью этих технологий мэрии удалось отследить четверых нарушителей, совершивших «покидание предписанного места изоляции и

нахождение 23.01.2021 в месте проведения массовой несогласованной акции». Все четверо, трое молодых парней и девушка, должны были оставаться дома после положительного диагноза на коронавирус. При этом в ДИТ отметили, что 31 января и 2 февраля в местах проведения акций протеста людей с положительным тестом на коронавирус не было — этим может быть обусловлено отсутствие аналогичных «санитарных дел» за другие шествия в поддержку Алексея Навального в Москве[9].

В предоставленных мэрией выписках из ЕЦХД помимо времени начала и окончания карантина, адреса и скриншотов с камер наблюдения есть строчка с характеристикой на человека, законность и обоснованность сбора которой мэрией вызывает сомнения. Так, один из молодых людей «интересуется протестами (Беларусь, США)», другой имеет «протестный профиль в соцсетях, выложен пост об участии 23.01.2021 и видео задержания». Такие характеристики, по всей видимости, действительно можно добавлять к профилям москвичей в ЕЦХД: ранее «Медиазона» обращала внимание на подпись «интерес к национализму», высвечивавшуюся в карточке одного из посетителей фестиваля «Нашествие» на экране программы по распознаванию лиц компании «Вокорд».

При этом данные мэрии о четырех нарушителях карантина расходятся с утверждениями самой полиции, которые объявлял уже канал «Россия 1». «23 января в толпе в центре Москвы камеры сняли 19 человек, зараженных коронавирусом: официально они были на карантине, фактически — на улице», — говорил корреспондент канала, показывая фото с

камеры наблюдения, на котором якобы запечатлен без маски Акель Дани Таммам. В январской программе показали даже копию согласия Акеля на лечение от ковида на дому — хотя этот документ следствие по «санитарному делу» запросит только 12 апреля.

Сам Акель позже возмутится тем, что на фото не он, и запишет видеоролик с рассказом об акции, который, в свою очередь, войдет в материалы уголовного дела.

Акель Дани Таммам. Фото: личная страница ВКонтакте

Свидетели санитарных норм

Первый свидетель в деле — замначальника отдела эпидемиологического надзора Роспотребнадзора Дарья Василевская, которая рассказала следствию, что массовые мероприятия в Москве «временно приостановлены», а для борьбы с коронавирусом нужно носить маски и перчатки и соблюдать дистанцию. Следователь показал Василевской видеозаписи, и та подтвердила, что «участники несогласованного митинга не соблюдали требования».

Опознанный камерой московской мэрии кассир *KFC* Арсений Хесин был допрошен сразу после задержания на акции: он лечился от коронавируса с 12 января, а в день акции вышел на улицу, «будучи в полной уверенности окончания срока самоизоляции» и не дождавшись результатов второго теста, — отрицательный результат придет только на следующий день. «Моему приходу на митинг послужила официальная страничка Навального А. А. в инстаграмм, а также открытая группа в Телеграмм "Команда Навального"», — записано в протоколе его допроса.

«Совершенно очевидно, что все показания написаны рукой следователя, исключительно чтобы хоть как-то подкрепить хлипкое возбуждение дела», — комментировал эти показания адвокат Соболь Владимир Воронин.

Во время допроса следователь добавил, что лицо Хесина было «распознано системой слежения», поскольку он был без маски, на что тот возразил, подчеркнув, что был в маске. Это подтверждается скриншотом, который позже попал в материалы дела — Хесин действительно шел в толпе в маске. Так что факт распознавания его лица можно объяснить только умением системы узнавать людей с частично закрытым лицом (алгоритм разработчиков из сотрудничающей с государством компании *NTechLab* в мае занял третье место в мире по качеству распознавания людей в масках).

В апреле кассира *KFC* снова допросили, он пожаловался на грубость полицейских при январском допросе и решил поправиться, уточнив, что на

Навального не подписан и «особо не следил», на акцию протеста его никто не призывал, а пришел он туда только «посмотреть». Хесин так и остался свидетелем.

Тогда же, в апреле, интерес следствия привлек другой коронавирусный больной — 22-летний москвич Дани Таммам Акель. 23 января его задержали неподалеку от «Матросской тишины», позже суд назначил ему штраф[10] в 20 тысяч рублей. Свое появление у изолятора Акель тогда объяснял так: «гулял», был «схвачен и избит».

Весной следствие про него вспомнило, и 22 апреля Акель стал уже обвиняемым в нарушении санитарных правил, создавшем угрозу массового заражения. Он предпочел полностью признать вину. Хотя в обвинении говорилось, что Акель вышел протестовать, «находясь под влиянием призывов, размещенных в свободном доступе в сети Интернет Навальным, Янкаускасом, Барановским, Степановым, Васильевой, Штейн, Ярмыш, Алехиной, Соболь, Ляскиным и иными лицами», на допросе отметил, что не помнит, из этих ли источников узнал об акции. При этом молодой человек рассказал, что на акции «практически ни у кого» не было перчаток, социальную дистанцию соблюдать было невозможно, а маску и шарф он снял.

В разговоре с «Медиазоной» адвокат Акеля Михаил Бирюков отметил, что в ходе апрельского допроса следствие не интересовалось предыдущими показаниями его подзащитного, поэтому комментировать смену позиции он не

может. Сам Акель находится под запретом определенных действий.

Отдельное место в свидетельских показаниях занимают безработные Егор Карасев, Дмитрий Рощектаев и Павел Волков — трое друзей, которые посмотрели расследование «Дворец для Путина» и заметили, что после публикации фильма сторонники Навального «начали буквально насаждать идею необходимости выйти на митинги 23.01.2021».

Друзья распереживались, что «ролик простому человеку, далекому от реалий жизни, может внушить ложное чувство того, что руководство страны обеспокоено исключительно своим благосостоянием» — и решили выйти на Пушкинскую площадь в день акции «в роли независимых наблюдателей, при этом производили видеосъемку событий, которые в дальнейшем имели бы общественный резонанс».

Их взору открылось, как «в разгар пандемии и увеличения роста числа зараженных коронавирусной инфекцией людьми вообще не соблюдалась какая-либо социальная дистанция, у большинства отсутствовали маски и перчатки». На пике «стихийных волнений, беспорядков», когда «сотрудники полиции только пресекали противоправные действия», а митингующие их «провоцировали» и «бросали снежные шарики ("снежки")», друзья решили ретироваться, но полицейский попросил их «написать объяснения по поводу увиденного» — так следствие узнало об их приключениях, опросило и получило видеозаписи.

Олег Навальный, 27 января 2021 года. Фото: Александр Миридонов / Коммерсант

Суды на карантине

В суд уже переданы дела пятерых обвиняемых[11].

Изначально дело поступило в Тверской районный суд, но тот отказался рассматривать его, передав материалы по подсудности в Преображенский райсуд: судья аргументировал решение тем, что 23 января протестующие дошли до расположенного неподалеку изолятора «Матросская тишина», где содержался Алексей Навальный.

Судить фигурантов будут по отдельности. Сегодня Преображенский суд должен начать рассматривать по существу дело Олега Навального — младшего брата заключенного политика. Олег Навальный уже провел в колонии 3,5 года по делу «Ив-Роше», из-за судимости ему может грозить более тяжелое наказание, чем остальным обвиняемым.

Суды пройдут без прессы, как и заседания по избранию мер пресечения зимой: журналистов в московские суды пускают избирательно даже спустя более чем полгода после начала массовой кампании по вакцинации.

Обвинительные заключения совпадают[12]

практически дословно — за исключением мест, описывающих высказывания каждого из фигурантов.

У Любови Соболь, например, это твиты с «эксплицитно выраженными побуждениями помогать распространять видеообращение Навального из отдела полиции в Химках» и фразами вроде «Выходим 23 января». Предварительное заседание по делу Соболь назначено на 8 июля.

В соцсетях Николая Ляскина — его начнут судить 14 июля — следствие нашло «побуждения распространить побуждения к участию в митингах». Это твит с текстом: «23 января в большинстве городов России на улице будет много настоящих людей, которые хотят жить в свободной России. В свободной от воров и убийц! Выходите!!! Сидеть дома нельзя!!» — а также твиты ссылками на расследование «Дворец для Путина» и на пост Олега Навального.

В этом посте Навальный рассказывал о своем сыне Остапе, который родился, пока его отец был под следствием по делу «Ив Роше». «Не хочу, чтобы он рос в полицеиском государстве, где людеи отправляют в тюрьмы за правду, брошенныи стаканчик или разбитое стекло, а лжецов и убииц награждают орденами. Не хочу, чтобы он своим трудом оплачивал "комнаты для грязи" во дворцах обезумевших дедов», — писал Навальный, призывая всех выходить на улицы 23 января. За этот пост его теперь и судят.

Редактор: Егор Сковорода

1. 23 и 31 января в Москве и других городах прошли массовые акции протеста в поддержку Алексея Навального; протестующих жестко разгоняли силовики, были задержаны тысячи человек. В Москве часть участников пыталась дойти до СИЗО «Матросская тишина», где

содержался политик, но их задерживали на подходах и разгоняли сотрудники ОМОН.

2. Формально Ляскину назначили запрет определенных действий, по сути не отличавшийся от домашнего ареста: ему запретили пользоваться интернетом и выходить из дома за исключением короткой прогулки.

3. Максимальное наказание по части 1 статьи 236 УК — до двух лет лишения свободы. При этом статья 108 УПК не позволяет заключать людей в СИЗО по таким легким обвинениям.

4. Следовательница — капитан юстиции Перовская Е.В. — пришла в Судебно-экспертный центр СК на улице Строителей и там смотрела посты в компании старшего эксперта отдела фоноскопических и лингвистических экспертиз Олеси Игнатовой.

5. Этой весной активист все же уехал из России.

6. Отсылка одновременно к прогнозу погоды и названию вышедшего в 2009 году романа «Околоноля» Натана Дубовицкого — считается, что за этим псевдонимом скрывался тогдашний первый замглавы администрации президента Владислав Сурков.

7. Москвичей с коронавирусом оставляют лечиться на дому с требованием установить на смартфон мобильное приложение «Соцмониторинг», через которое по нескольку раз нужно подтверждать соблюдение домашней изоляции отправкой селфи. Из этих снимков создается цифровой слепок, который позволяет отслеживать горожан при появлении на улице под камерами наблюдения.

8. В нем хранятся так называемые цифровые слепки — числовые данные о лицах людей, позволяющие сравнивать чей-то профиль с фотографией или картинкой с камеры наблюдения.

9. Помимо столицы дела по 236-й статье о нарушении санитарных норм были возбуждены после акций 23 января в Саратове и Нижнем Новгороде.

10. Признав виновным по части 5 статьи 20.2 КОАП (нарушение установленного порядка проведения митинга).

11. Олега Навального, Любови Соболь, Киры Ярмыш, Николая Лякина и Дмитрия Барановскогого.

12. «Медиазона» сравнивала обвинительные заключения Соболь и Ляскина.